

О. Б. ЛЕОНТЬЕВА

КАК РЕФОРМА СТАЛА ВЕЛИКОЙ ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ПРАВА КАК “МЕСТО ПАМЯТИ” В ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

В статье охарактеризованы различные репрезентации крестьянской реформы 1861 г. в исторической памяти российского общества начала XX в.: в монументальных сооружениях, в научных трудах по истории России, а также в научно-популярных изданиях, приуроченных к 50-летию отмены крепостного права (в том числе в шеститомном издании «Великая реформа», опубликованном И.Д. Сытинным). Сопоставляя концептуальные положения, дискурсивные стратегии и визуальный ряд юбилейных изданий, посвященных «Великой реформе», автор выявляет как «конфликты памяти» в интерпретации реформы и ее исторических последствий, так и контуры наметившегося тогда общественного консенсуса по данной проблеме.

Ключевые слова: историческая память, крестьянская реформа 1861 года.

В 1889 г. в губернском городе Самаре на народные пожертвования и средства благотворителей был воздвигнут памятник императору Александру II работы скульптора В. Шервуда. Император был изображен в армейском мундире и фуражке, его рука покоилась на эфесе шпаги. По углам постамента располагались четыре символические фигуры: черкес, ломающий шашку (символ покорения Кавказа); болгарка, разрывающая цепи (символ освобождения Балкан от владычества Османской империи); среднеазиатская женщина, приподнимающая чадру (очевидно, ее жест должен был означать открытость Средней Азии для покорившей ее России); и, наконец, русский крестьянин, благоговейно осеняющий себя крестным знаменем¹ (этот жест явно был визуальной отсылкой к заключительной фразе Манифеста 19 февраля 1861 г. – «Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови с нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного»)². Памятник, таким образом, был призван напоминать не только о самом императоре Александре II, но и о важнейших его деяниях во внешней и внутренней политике.

Это был далеко не единственный памятник Александру II, появившийся в России в конце XIX – начале XX в. Фигура царя-освободителя нередко становилась объектом мемориальных репрезентаций. Так, по инициативе Александра III в 1883–1907 гг. в Петербурге, на месте трагической гибели императора был воздвигнут Собор Воскресения Христова (Храм Спаса-на-Крови), а в 1893–1898 гг. в Московском Кремле – па-

¹ Киселев 2011.

² Российское законодательство... 1989.

мятник Александру II работы скульптора А.М. Опекушина, художника П.В. Жуковского и архитектора Н.В. Султанова. Р. Уортман в своем фундаментальном исследовании о саморепрезентациях российской монархии кратко характеризует памятники Александру II, стоявшие «в судах, перед больницами и на площадях» нескольких крупных городов империи: Златоуста, Петрозаводска, Кишинева, Хельсинки и др.³ По подсчетам К.Г. Сокола, за период 1870–1917 гг. в Российской империи был воздвигнут 101 памятник Александру II. Более того, в период 1911–1916 гг. в стране появилось еще около 2,5–3 тыс. типовых памятников – цинковых бюстов императора, относительно дешевых и простых в установке, заказчиками которых обычно становились волостные собрания и крестьянские сходы⁴. Бюсты «Царя-Освободителя» (так гласила надпись на постаменте) стали первым массовым типовым памятником в российской деревне – задолго до бесчисленных гипсовых фигур вождя мирового пролетариата. Царь-освободитель оказался, по словам А.В. Святославского, «самой мемориализуемой фигурой» среди российских императоров и императриц⁵, причем в роли инициатора коммеморативных акций могла выступать как сама власть, так и широкие круги «общества» – что характерно, не только горожане, но и крестьяне.

Исследователи высказывают различные мнения о причинах такого «мемориального бума» и того глубинного смысла, который несли в себе эти акты мемориализации. Так, с точки зрения Р. Уортмана, памятники Александру II, подчеркивая разные аспекты реформаторской деятельности императора, «были... выражением неоправдавшихся надежд умеренной части общества на продолжение реформ, гражданский прогресс и участие населения в управлении государством»⁶. По мнению А.В. Святославского, причина скорее крылась в том, что Александр II был до известной степени компромиссной фигурой исторической памяти: его правление «представляло собою весьма гармоничное для России сосуществование традиционного православно-монархического начала и политики реформ», а трагическая смерть побуждала воспринимать его как мученика, «по существу принесшего себя в жертву своему народу»⁷.

Коммеморативные акции были направлены на увековечение памяти об императоре и осуществленных в его царствование реформах. Для характеристики преобразований 1860–70-х гг. уже современники – напр., М.Т. Лорис-Меликов в своем Всеподданнейшем докладе Александру II от 28 января 1881 г., – использовали словосочетание «Великие рефор-

³ Уортман 2004. С. 392-394.

⁴ Сокол 2006.

⁵ Святославский 2013. С. 247.

⁶ Уортман 2004. С. 394.

⁷ Святославский 2013. С. 243, 249-250, 267.

мы»⁸. Новую жизнь в это выражение вдохнул в 1890-е гг. Г.А. Джаншиев, озаглавив свой сборник историко-публицистических очерков «Эпоха великих реформ» (в первых изданиях – «Из эпохи великих реформ»). В начале XX в. эпитет «великие» уже прочно закрепился за реформами 1860–1870-х гг.: в 1905 г. была выпущена серия книг «Великие реформы 1860-х гг. в их прошлом и настоящем» под общей редакцией И.В. Гессена и А.И. Каминка, в ее рамках увидели свет работы А.А. Корнилова «Крестьянская реформа», И.В. Гессена «Судебная реформа», К.К. Арсеньева «Законодательство о печати». В 1908 г. в серии «Научно-популярная библиотека» издательства «Польза» вышла книга О.А. Волькенштейн «Великие реформы 60-х годов». Наконец, самые разнообразные издания, вышедшие в свет в 1911 г. к 50-летию юбилею отмены крепостного права, носили однотипные названия «Великая реформа» или «Великая крестьянская реформа»⁹. Высокий символический статус события был тем самым закреплён на вербально-семантическом уровне.

Пятьдесят лет – не слишком долгий по историческим меркам срок. Используя классификацию Яна Ассманна, можно сказать, что к 1911 г. реформы 1860–1870-х гг. уже успели стать объектом «культурной памяти», но еще не исчезли из поля восприятия «коммуникативной памяти», из живых воспоминаний современников. Поэтому именно на их примере – в данном случае на примере крестьянской реформы 1861 г. – можно проследить, как реальное событие превращалось для современников и для последующих поколений в «место памяти» и какие дискурсивные стратегии применялись для обоснования его исторического значения.

Отмена крепостного права принадлежала к тем событиям, которые приобретают в сознании общества статус «исторических», «рубежных», «поворотных» еще до того, как происходят на самом деле. Как показала И. Паперно, в литературе 1850-х гг. готовящаяся реформа была окутана ореолом экзальтированных ожиданий, а представления о будущем событии были пронизаны христианской символикой. Крепостное право трактовалось как «жизнь во грехе», освобождение крестьян – как «искупление» этого греха, «высокий нравственный подвиг христианской любви», «плод и торжество христианства». Символические формулы, предложенные А.И. Герценом для осмысления освобождения крестьян – «Ныне отпускаеши» и «Ты победил, Галилеянин!», – соотносили отмену крепостного права с важнейшими в представлениях христианского мира событиями мировой истории: пришествием Мессии, торжеством христианства над языческим Римом и даже началом новой исторической эры¹⁰.

⁸ Всеподданнейший доклад... 1918. С. 162-166.

⁹ Великая реформа: Сб. статей. 1911; Великая реформа: В 6 т. 1911; Головин 1911; Дучинский 1911; Шумахер 1911.

¹⁰ Paperno 1991.

Свой вклад в осмысление исторического значения осуществленных реформ внесла профессиональная историческая наука: С.М. Соловьев и историки «государственной школы». В «большом нарративе» русской истории, созданном С.М. Соловьевым, К.Д. Кавелиным, Б.Н. Чичериным, постепенное формирование крепостного права выступало как один из сквозных, центральных процессов российской истории. Историки доказывали, что «прикрепление» – не только крестьян, но и других слоев населения – было внутренне закономерным и неизбежным процессом: в условиях бедности страны, «гибельной односторонности» ее хозяйства, непрерывных внешних угроз и «привычке к расходу в народонаселении» государство естественно стремилось «ловить, усаживать и прикреплять» население для обеспечения своих военных и фискальных потребностей¹¹. Система всеобщего «прикрепления» (служилых людей – к службе, посадских – к тяглу, крестьян – к земле) достигла своего апогея в Московском царстве XVII в. Реформы Петра I выступали у Соловьева, Кавелина и Чичерина как демаркационная линия между «древней» и «новой» историей России; основным содержанием «новой» истории для них были процессы «раскрепощения» и освобождения: личности – из-под власти рода, народа – от невежества, сословий – от «прикрепления». Таким образом, отмена крепостного права, состоявшаяся в 1861 г., выступала для них как «заключительное, последнее явление в ряду целого исторического нашего движения в течение XVIII и XIX века», финальный, решающий шаг от архаичной системы «закрепощения сословий» к организации гражданского быта на началах свободы и права¹². «Если прикрепление крестьян было естественным результатом древней русской истории, – писал С.М. Соловьев, – то освобождение их было результатом полуторавекового хода нашей истории по новому пути. Спор между древнею и новою Россиею кончен, проверка налицо»¹³. Освобождение крестьян в глазах историков обретало статус события, маркирующего собой границу между большими историческими периодами. «Теперь мы вступаем в новый период исторической жизни, – писал Кавелин в 1866 г. – ...Много неожиданностей предстоит нам на этом пути!»¹⁴.

Это представление о рубежном значении отмены крепостного права и других реформ 1860–1870-х гг. сохранилось и у следующих поколений российских историков. Так, В.О. Ключевский в одной из заключительных лекций своего знаменитого «Курса русской истории» говорил: «На 18 февраля 1855 г., т.е. дне смерти императора Николая, можно положить конечный рубеж целого периода нашей истории, который начался с воцарением новой династии после Смутного времени». В минувший

¹¹ Соловьев 1991. С. 35-37, 44-45, 102-103 и др.

¹² Чичерин 1899; Кавелин 1989. С. 167-168.

¹³ Соловьев 1991. С. 103.

¹⁴ Кавелин 1989. С. 180.

исторический период, уточнял Ключевский, основными началами российской политической и общественной жизни был «невольный обязательный труд в пользу государства всех сословий» и «разобщение этих сословий, прекращение их совместной политической деятельности». «С 18 февраля 1855 г., – продолжал В.О. Ключевский, – начинается новый период, в который выступают иные начала жизни. Начала эти мы знаем, знаем их происхождение и свойства, но не знаем их последствий, а потому они не могут быть предметом исторического изучения»¹⁵. Еще ярче выразил эту мысль С.Ф. Платонов в своих «Лекциях по русской истории»: он утверждал, что в реформах 1860–1870-х гг. «кроется начало нашей современности, т.е. тот момент, когда для нас кончается история и начинается действительность»¹⁶.

Событие, воспринимавшееся как рубеж между «историей» и «действительностью», с течением времени также стало предметом исторического изучения. В работах И.И. Иванюкова «Отмена крепостного права в России» (1882), Г.А. Джаншиева «Эпоха Великих реформ» (1892–1895) и А.А. Корнилова «Крестьянская реформа» (1905) подробно рассматривалась история подготовки реформы 1861 г. Каждый из этих авторов считал нужным указать, что «уничтожение крепостного права в России составляет колоссальный переворот во всем социальном строе ее», что «с этого момента Россия вступила в новую эпоху развития»¹⁷, что 19 февраля 1861 г. «обозначился поворотный пункт в истории Новой России»¹⁸, и что «в *правовом отношении* крестьянская реформа была без сомнения самым колоссальным шагом вперед во всей новейшей русской истории», открыв «широкий путь к полному освобождению народа»¹⁹.

Размах и разнообразие коммеморативных акций, приуроченных к 50-летию отмены крепостного права, позволяет утверждать, что представление об освобождении крестьян как о ключевом событии российской истории разделяли – осознанно или интуитивно – многие люди того времени. Вокруг этого события, как и вокруг любого «места памяти», формировались свои исторические мифы, в его осмыслении переплетались различные дискурсы и соприкасались разные ценностные системы. Столкновение или же, напротив, переплетение этих «сценариев памяти» можно наглядно проследить на материалах юбилейных изданий, посвященных «Великой реформе».

Эти издания были рассчитаны на самый разный образовательный уровень и бюджет читателя: от небольших дешевых брошюр, стоивших 25–40 копеек, до роскошного, богато иллюстрированного шеститомного издания И.Д. Сытина ценой 24 рубля. Различался и стиль изложения: от

¹⁵ Ключевский 1993. С. 450.

¹⁶ Платонов 1993. С. 720.

¹⁷ Иванюков 1903. С. 3.

¹⁸ Джаншиев 2008. С. 158.

¹⁹ Корнилов 1905. С. 158–159.

книг «для народного чтения», написанных нарочито простым слогом, до научных статей, снабженных соответствующим справочным аппаратом. Так, шеститомник «Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем», подготовленный Исторической комиссией учебного отдела московского Общества распространения технических знаний и вышедший в свет под редакцией А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты, совмещал в себе черты коллективного научного труда и просветительского издания; статьи для него подготовили историки (М.М. Богословский, Ю.В. Готье, А.А. Кизеветтер, А.С. Лаппо-Данилевский, М.К. Любавский, В.И. Пичета, А.Е. Пресняков, В.И. Семевский и др.) и видные общественные деятели и публицисты, представители либеральных и народнических кругов (А.К. Дживелегов, А.Ф. Кони, С.П. Мельгунов, А.В. Пешехонов, С.Н. Прокопович, В.Е. Чешихин-Ветринский, Д.И. Шаховской и др.). Схожим по замыслу и по составу авторов, но более компактным был сборник «Великая реформа», изданный товариществом «Образование» и включавший статьи А.И. Яковлева, В.И. Семевского, В.Я. Уланова, В.Е. Чешихина-Ветринского. Стостраничная «Великая крестьянская реформа при Царе-Освободителе», вышедшая в свет под эгидой Всероссийского национального клуба (того самого, который наладил массовое производство и поставки бюстов Александра II), была написана издателем журналов «Человек и животные», «Природа и жизнь» и автором популярных книг по истории России Н.П. Дучинским. 34-страничную брошюру с тем же названием написал А.Д. Шумахер, член «Союза 17 октября» и депутат Государственной Думы от Рязанской губернии. Наконец, брошюра «Великая реформа 19-го февраля» (полемичная и явно рассчитанная на читателя, уже хорошо осведомленного о ходе подготовки реформы) принадлежала перу писателя и публициста К.Ф. Головина, одного из организаторов «Союза русских людей» и Совета объединенного дворянства²⁰.

Таким образом, среди авторов юбилейных изданий были представители практически всего спектра общественной мысли и политических движений того времени. В силу этого сопоставление текстов и визуального ряда юбилейных изданий дает возможность выявить как точки расхождения в интерпретации реформ и их исторических последствий, так и контуры наметившегося тогда общественного консенсуса в отношении реформ.

Прежде всего следует отметить, что авторы большинства юбилейных изданий использовали историзирующую стратегию, рассматривая реформу 1861 г. в контексте всей российской истории. Как правило, они считали нужным дать в своих работах очерк становления крепостного права: краткий (на несколько страниц) или развернутый (в шеститомном издании Сытина история становления крепостного права изложена

²⁰ См. о нем: Антонцева 2005.

в двух первых томах, и еще два тома посвящены положению крестьян накануне реформы). Из перечисленных изданий исторический очерк становления крепостного права отсутствует лишь в работе Головина, где в качестве точки отсчета взято начало работы Секретного комитета по крестьянскому делу – 1856 г. Большинство авторов подчеркивало, что крепостное право не было изначально свойственно российскому обществу («Древняя Россия не знала крепостного состояния»²¹); что зависимость крестьян от крупных землевладельцев формировалась постепенно, вырастая из кабальных долговых обязательств: крестьян прикрепили к земле прежде всего долги, а потом уже – закон²². Все авторы, обращавшиеся к этой теме, подчеркивали вынужденный характер введения крепостного права со стороны государства – ради обеспечения исправной военной службы служилых людей; все рассматривали его как неотъемлемую часть общей системы «закрепощения сословий», сложившейся в XVII в.²³ Коренной перелом во взаимоотношениях помещиков и крепостных относили к XVIII в.: либо к реформам Петра I, возложившего на помещиков «непосредственный надзор за крепостными» (право суда над ними, ответственность за государственные платежи и повинности) и создавшего правовую возможность продажи крестьян без земли, либо же к подписанию Манифеста о вольности дворянской и екатерининской Жалованной грамоты дворянству («раскрепощению дворянства»), после которых крепостное право утратило моральное оправдание.

Все авторы – в чем их солидарность очевидна – характеризуют крепостное право в его зрелой форме (конец XVIII – первая половина XIX в.) как несомненное зло; указывают на самые негативные стороны крепостного права – отсутствие правовой защиты крестьян, произвол помещиков, телесные наказания, «беззастенчивую торговлю» людьми, грубое вмешательство в личную жизнь крестьян и т.д. Термины «рабство», «рабы», «рабовладельцы» применительно к реалиям крепостнической России в этих работах используются постоянно. Подчеркивается, что идея освобождения крестьян давно уже владела лучшими умами российского общества, которые «чувствовали все зло крепостного права», «сознавали всю несправедливость крепостного права на Руси»²⁴. История подготовки предстает как борьба реформаторов, «искренних сторонников освобождения» против «кучки крепостников» («упорных сторонников крепостного права», «придворных и сановных крепостников», «завязтых крепостников», «крепостнической партии», «плантаторов»)²⁵, которые порой наделяются зооморфными чертами: они издадут

²¹ Шумахер 1911. С. 2.

²² Яковлев 1911. С. 14-15.

²³ Дучинский 1911. С. 11-12.

²⁴ Шумахер 1911. С. 6; Дучинский 1911. С. 16.

²⁵ Шумахер 1911. С. 14, 17, 19-20; Уланов 1911. С. 100, 105-119.

змеиное шипение и волчий вой, плетут паутину интриг²⁶. Исключение составляет работа консерватора К.Ф. Головина, где дается весьма скептическая оценка реформаторов – просвещенных чиновников, бесконечно далеких от крестьянской жизни, или славянофилов, идеализировавших крестьянский быт²⁷. Нить повествования в этих работах не обрывается изложением событий 1861 года: хронологические рамки повествования охватывают более длительный период, реформа помещается в контекст других событий российской истории. В качестве завершающего эпизода своих исторических повествований авторы юбилейных изданий обычно выбирали революцию 1905 года²⁸, Манифест 17 октября 1905 г.²⁹ или же указ от 9 ноября 1906 года («столыпинскую реформу»), подчеркивая преемственную связь этих событий с освобождением крестьян³⁰.

Ключевые концептуальные расхождения текстов юбилейных изданий проявляются в оценке исторического значения реформы. А.Д. Шумахер и Н.П. Дучинский вкратце и в панегирическом ключе излагают основное содержание Манифеста и «Положений» 19 февраля, ставя в особую заслугу Александру II то, что он «освободил крестьян с землей» и тем самым спас их «от ужасной участи» – «предотвратил развитие в России безземельного батрачества»³¹. Члены авторских коллективов сборника «Великая реформа» и шеститомного издания «Великая реформа» последовательно проводят идею, что реформа, «с ее нерешительностью и робостью, с ее скупой филантропией и заботливым вниманием к помещику», привела к «жалким для крестьян» результатам. Задаваясь, вслед за Н.А. Некрасовым, вопросом – «Народ освобожден, но счастлив ли народ?»³², – авторы этих сборников в ряду последствий реформы называют «рост малоземелья, переходивший в прямой земельный голод, рост недоимочности, ложившийся сокрушающим бременем на крестьянские хозяйства, учащение голодков, сделавшихся постоянными спутниками деревенской жизни», а также неполноправие крестьян и невысокую дееспособность органов крестьянского самоуправления³³. С противоположных позиций подвергает критическому разбору крестьянскую реформу Головин: он упрекает авторов «Положений» в том, что они «внесли в дальнейшую судьбу крестьян значительную путаницу и упорные, хотя и неосуществимые надежды» (публицист-консерватор имел в виду «путаницу» между личным, семейным и общинным правом на землю; иллюзию, что одного лишь крестьянского надела, без допол-

²⁶ Дживелегов С. 69; Дучинский 1911. С. 38-39; Уланов 1911. С. 106.

²⁷ Головин 1911. С. 3-4, 21, 31-32.

²⁸ От редакции // Великая реформа. В 6 т. Т. I. С. IV.

²⁹ Чешихин-Ветринский 1911. С. 191.

³⁰ Дучинский 1911. С.103; Головин 1911. С. 66.

³¹ Шумахер. 1911. С. 24-31; Дучинский 1911. С. 75-76, 90-91.

³² Некрасов. Элегия («Пускай нам говорит изменчивая мода...»). 1982. С. 151.

³³ От редакции // Великая реформа. Т. I. 1911. С. III; Корнилов 1911. С.154-157.

нительных заработков, должно быть достаточно для обеспечения крестьянской семьи; и, наконец, надежду на то, «будто существует право на землю всех и каждого, и должно этой земли хватить на поголовное надевание»³⁴. Именно земельный вопрос оказался, что неудивительно, камнем преткновения, вызвавшим резкие расхождения в оценке самой реформы и ее социальных последствий.

Не меньшие расхождения обнаруживались в вопросе о «субъекте» и «объекте» реформы: стремясь определить, кого следует считать инициатором отмены крепостного права, каковы были движущие силы реформы, а кто играл пассивно-страдательную роль, – авторы давали на этот вопрос различные, порой противоположные ответы.

Брошюра Шумахера представляла собой патетический рассказ о том, как Александр II практически единолично «задумал и совершил на благо и счастье России целый ряд великих и мудрых преобразований»; «дать свободу крестьянам... было заветною мыслью Императора Александра II, которую он лелеял денно и нощно»³⁵. Император, продолжает Шумахер, был не только инициатором реформ, но и возглавлял их непосредственную разработку; именно «благодаря личной настойчивости Государя» помещичьи крестьяне были освобождены с землей³⁶. «Свободу крестьянам русским дал именно сам Император Александр II; – настойчиво повторяет публицист. – ...Крепостное право рухнуло только по его царскому слову»³⁷. Крестьянству в этом нарративе отводится исключительно пассивная роль, более того – роль бездушного объекта, по отношению к которому Александр II выступал в качестве творца-демиурга: освобождение, пишет Шумахер, «вдохнуло “душу живу” в многомиллионное крестьянство русское и пробудило Россию к новой жизни». Лишь после этого крестьянство получает возможность если и не действовать, то, по крайней мере, выражать свои чувства: «И миллионы рук всех бывших крепостных людей, навсегда освобожденных державною волею и любовью Царя от уз многовекового рабства, поднялись, как одна рука, осеняя несчетными крестами свободно вздохнувшие груди»³⁸.

Напротив, на страницах работы Н.П. Дучинского реформа предстает как результат солидарных усилий и единой работы общества над «*святым делом*» (эта характеристика реформ красной нитью проходит через всю работу). В замысел и подготовку «святого дела», как писал публицист, внесли свой вклад императоры дома Романовых – Екатерина II, Павел I, Александр I, Николай I, – которые «напрягали все усилия к уничтожению крепостного права или, по крайней мере, к об-

³⁴ Головин 1911. С. 56-57.

³⁵ Шумахер 1911. С. 1-2, 7-8.

³⁶ Там же. С. 31.

³⁷ Там же. С. 23.

³⁸ Там же. С. 2, 33-34.

легчению участи крепостных»³⁹. В свою очередь, «общество горячо заинтересовалось крестьянским вопросом» в результате Отечественной войны 1812 года. Ученые и публицисты – Н.И. Тургенев, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский, А.Н. Огарев, К.Д. Кавелин и др. – «в своих сочинениях и лекциях неустанно твердили о необходимости уничтожить этот пережиток старины»; поэты и писатели – А.Н. Радищев, А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, Д.В. Григорович, Н.А. Некрасов, – «направляли всю свою литературную деятельность к тому, чтобы пробудить в русском обществе добрые чувства»: «После “Записок охотника” крепостное право уже не могло продолжаться»⁴⁰. Рассматривая подготовку «Положений» 19 февраля 1861 г., Дучинский называет целый ряд имен «прямых сотрудников Царя-Освободителя в Его великой реформе»: великого князя Константина Николаевича и великой княгини Елены Павловны, Я.И. Ростовцева, Н.А. Милютина, С.С. Ланского, Ю.Ф. Самарина, кн. Черкасского⁴¹. Но главным героем повествования остается император Александр II, который, благодаря своим «прекрасным качествам ума и доброго сердца», а также «твердой решимости» и «непреклонной воле», смог осуществить давно желанные для всех преобразования. «Власть» и «общество» выступают тут как два равноправных субъекта преобразований, активно работающих ради «общего блага». Однако и в этом нарративе «народ» играет пассивную роль объекта сострадания и монаршей заботы. «Будущий Монарх изъездил всю Россию, из конца в конец, лично ознакомился с многоразличными частями обширной нашей Родины, побывал даже и в далекой Сибири... Во время путешествия Он заходил в крестьянские школы, побывал в курных русских избах, собственными глазами увидел неприглядную жизнь простого населения, пригляделся к быту и нуждам народа своего»⁴². Сам народ, когда решается его судьба, остается безмолвствующим: публицист дважды дословно повторяет: «народ» или «бывшие крепостные» «встретили весть про желанную свободу тихо, спокойно, в молитвенном настроении»⁴³.

Ключевые особенности и этой концепции, и этой риторики восходят к той «лирико-романтической» трактовке отмены крепостного права⁴⁴, которая была ярко воплощена в работе Г.А. Джаншиева «Эпоха Великих реформ». Таковы, прежде всего, характеристика 19 февраля 1861 г. как «святого, великого дня», «святой минуты»; понимание реформы как общего дела, осуществленного объединенными усилиями правительства, «лучшей части дворянства» и «либерально настроенного общественного мнения»; оценка подготовки реформ как «героической

³⁹ Дучинский 1911. С. 45-46.

⁴⁰ Там же. С. 19-20, 34-35.

⁴¹ Там же. С. 35-44.

⁴² Там же. С. 47.

⁴³ Там же. С. 86, 88-89.

⁴⁴ От редакции // Великая реформа. В 6 т. Т. I. 1911. С. IV.

эпопеи»; тема «изумительного долготерпения» крестьянства, с «трогательной детской верой» ожидавшего освобождения; трактовка освобождения крестьян как «воскрешения Лазаря» и надежда, что в будущем «народ придет в возраст, разум и сознание»⁴⁵.

В свою очередь, в брошюре К.Ф. Головина реформа 19 февраля предстает как продукт законодательного творчества четко очерченного круга людей: императора Александра II, сотрудников Секретного / Главного комитета по крестьянскому делу, губернских комитетов и Редакционных комиссий. Ключевая тема полемической работы Головина заключалась в том, что центральные идеи реформы – освобождение крестьян с землей и подчинение крестьян «мирским порядкам» – выросли из сплетения разнородных и зачастую случайных факторов: разного уровня теоретической и практической подготовки членов Редакционных комиссий, их личных взаимоотношений и амбиций, а также общей атмосферы «политического идеализма» 1850-х гг. Именно поэтому, как подчеркивает Головин, «Положения 19-го февраля не вполне осуществили возлагавшихся на них надежды»: их практическая реализация привела к возникновению острой проблемы крестьянского малоземелья, а «зловредные» иллюзии, посеянные реформой, вызвали «дикую аграрную вспышку в 1905-6 году»⁴⁶. Реформа предстает в этой работе как продукт экономических и политических ошибок, сделанных «сердобольными друзьями мирского уклада»⁴⁷: ошибок, совершенных чистосердечно, но оттого не менее опасных. У Головина крестьяне выступают как «неумелые» хозяева, не сумевшие правильно воспользоваться полученной землей и к тому же доверчиво воспринявшие агитацию «левых интеллигентов», призывающих передать землю «из рук более культурных в неумелые руки крестьян»⁴⁸.

В работах участников сборника «Великая реформа» и шеститомника «Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в его прошлом и настоящем» реформа 1861 г. также рассматривалась как результат столкновения разнонаправленных социальных интересов, поиска «равнодействующей борющихся сил»⁴⁹. Но здесь народ выступал уже не как безмолвный объект благодеяний, не как Лазарь, ожидающий воскрешения, а как субъект истории, способный заявить о своем недовольстве и своих интересах. Так, на страницах шеститомной «Великой реформы» история крестьянских протестов против крепостничества прослеживалась с XVI–XVII вв. В статьях В.И. Семевского, Ю.В. Готье, В.И. Пичеты, Н.И. Фирсова, И.И. Игнатовича, вошедших в указанные

⁴⁵ Джаншиев. 2008. С. 45, 85-86, 90, 133, 144-145, 158, 165, 168, 207, 215, 264.

⁴⁶ Головин. 1911. С. 33, 51-65.

⁴⁷ Головин. 1911. С. 61.

⁴⁸ Головин. 1911. С. 56-57, 64-65.

⁴⁹ Уланов 1911. С. 139.

издания, подробно рассматривались различные формы крестьянского протеста, пассивного и активного: «брожение» (распространение слухов), подача прошений местным или центральным властям, бегство, убийства помещиков («народный самосуд»), крестьянские волнения, наконец, «участие крестьян в общенародном водовороте, каким являются Смутное время, Разинщина и Пугачевщина»⁵⁰.

В свою очередь, «общество» на страницах коллективных изданий представляло отнюдь не единодушным, но, напротив, расколотым в политическом и моральном плане: упорная борьба сторонников освобождения крестьян против «крепостников», «идеологов рабовладения» прослеживалась здесь на протяжении длительного исторического периода – от екатерининских времен до кануна реформы 1861 г. Подчеркивалось внутреннее благородство и жертвенность сторонников освобождения – от А.Н. Радищева и декабристов до А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского.

Характеризуя позицию власти по крестьянскому вопросу, авторы коллективных изданий подчеркивали нерешительность правительства Александра I и Николая II, «консервативный образ мыслей» Александра Николаевича в бытность его наследником престола, его недоверие как «к общественным сферам», так и «к народной массе»⁵¹. Поворот на путь реформ в первые годы правления Александра II зачастую трактовался в этих изданиях как вынужденный шаг: «Созревшая под спудом насильственно поддерживаемого строя жизненная потребность проявила свою организующую силу как в первых шагах неподготовленного правительства, так в появлении деятелей и в образовании и росте основ самой реформы»⁵². Впрочем, в шеститомной «Великой реформе» была отдана дань и романтической героизации деятелей реформы⁵³; но все же в целом реформа трактовалась как результат моральной победы народа и «лучших представителей» общества над злой волей «крепостников» и нерешительностью правительства.

Таким образом, «конфликты памяти» вокруг реформы 1861 г. были налицо; романтическая концепция «святого дела» подвергалась критике как «справа», так и «слева». Отметим, что визуальный ряд юбилейных изданий достаточно точно отражал особенности различных трактовок реформы. Так, в брошюре А.Д. Шумахера, где император выступает в качестве чуть ли не единственного инициатора освобождения крестьян, содержится лишь одна иллюстрация – портрет Александра II. Брошюра Н.П. Дучинского, где реформа предстает как совместное «святое дело» власти и общества, содержала целый ряд портретов деятелей реформы –

⁵⁰ Семевский 1911. С. 27-92; Готье 1911. С.14-36; Фирсов 1911.С. 25-69; Игнатович 1911. С. 41-65; и др.

⁵¹ Арсеньев 1911. С. 1-13.

⁵² Уланов 1911. С. 95-96.

⁵³ См., напр.: Кони 1911. С.14-33; Дживелегов 1911. С.68-86.

самого Александра II, вел. кн. Константина Николаевича, вел. кн. Елены Павловны, Н.А. Милютина, С.С. Ланского, Я.И. Ростовцева и др., а также писателей и общественных деятелей – Н.И. Тургенева, Д.В. Григоровича, Н.А. Некрасова. «Народ» представлен в этой брошюре на нескольких иллюстрациях: на рисунке «Цесаревич Александр Николаевич в крестьянской избе», аллегорической картине А.Е. Бейдемана «Освобождение крестьян» (Россия изображена на ней в виде величественной женщины, сидящей на постаменте с надписью «Император Александр II 19го февраля 1861 г. 23 миллионов Русского народа освободил от крепостного состояния»), а вокруг постамена толпится ликующая толпа в костюмах разных народов Российской империи), и на картине «Народная скорбь над гробом Царя-Мученика», где вместе с подданными над Александром II скорбят три ангела. Сборник «Великая реформа», изданный товариществом «Образование» и отражавший демократический взгляд на реформу, сопровождали иллюстрации, посвященные разным сторонам повседневной жизни до и после реформы и выполненные с «гражданской скорбью» или сатирической нотой: «Торг» Н.В. Неврева (сцена продажи крепостных), «Земское собрание в провинции» и «Земские выборы» К.А. Трутовского, «Молебен на крестьянском дворе» В.Е. Маковского, «На миру» С.А. Коровина, «Сбор податей» Орлова и «За недоимку» В.В. Пукирева (последняя была написана в 1870 г. и изображала, как у крестьянина-бедняка приставы уводят со двора корову). «Настоящее» освобожденных крестьян представало, таким образом, едва ли не более безотрадным, чем их прошлое.

Наиболее впечатляющим был изобразительный ряд шеститомного сытинского издания «Великая реформа»; оно включало около тысячи иллюстраций, выполненных в самых разных жанрах. Сами составители издания разделили эти иллюстрации на несколько тематических блоков: «Портреты», «Дворянская жизнь» (в этом блоке были выделены рубрики – «Усадьбы» и «Типы и быт»), «Крестьянская жизнь» (с внутренними рубриками: «Типы», «Деревня и постройки», «Правовая сторона», «Крестьянские волнения», «Быт» и т.п.), «Реформа 19 февраля 1861 г.», и некоторые другие⁵⁴. Сопоставление «построек», «типов» и «быта» дворянства и крестьянства создавало на визуальном уровне образ внутренне расколотого общества, с глубокими социальными контрастами и принципиально разными жизненными укладами. Сознательной политикой редакции шеститомника было не сглаживать эти контрасты, а, напротив, подчеркивать их; редакционная коллегия признавалась, что «для обрисовки крепостного быта» – прежде всего, для изображения «ужасной и развращающей стороны крепостного права», – в ряде случаев «не нашлось подходящего материала», и что «эти пробелы решено

⁵⁴ Указатель рисунков, помещенных в «Великой Реформе» // Великая реформа. В 6 т. Т. VI. 1911. С.345-352.

было восполнить картинами, специально исполненными для настоящего издания». Речь шла, в частности, о картинах «Салтычиха», «Продажа крепостных на Нижегородской ярмарке», «Крепостная» (изображающая молодую крестьянку, кормящую грудью щенка с барской псарни), «Бездна» (посвященная волнениям в Казанской губернии после объявления Манифеста 19 февраля) и некоторых других⁵⁵. Отметим также, что «типы» крестьян на страницах шеститомника – за редким исключением – не утрированы и полны внутреннего достоинства, в то время как «типы» дворян зачастую откровенно шаржированы.

Критическое отношение к социальным последствиям реформы было воплощено не только в тексте шеститомника, но и в иллюстративном ряде: здесь были представлены и «Проводы покойника» В.Г. Перова, и «Крестный ход в Курской губернии» И.Е. Репина, и все то же «Взыскание недоимок» В.В. Пукирева... Мысль о необходимости продолжать борьбу за гражданские права и социальное благополучие крестьян красной нитью проходила через весь шеститомник – от вступительной редакционной статьи до финальных публикаций, содержавших жесткую критику столыпинской аграрной политики. Но при этом не отрицалось историческое значение реформы 1861 года как «огромного шага вперед», открывающего путь «для плодотворной общенародной политической борьбы»⁵⁶. Поэтому не случайно на страницах этого издания была помещена подборка изображений памятников Александру II, воздвигнутых на народные средства в самых разных населенных пунктах России: в Москве, «в с. Малиничи, Проскурского уезда, Подольской губ.», «в с. Белый-Ключ, Корсунского у., Симбирской губ.», «в м. Семеновке, Новозыбковского у., Черниговской губ.»; «воздвигнутый мастерскими Сысертского завода»; «в Кыштымском заводе, Екатеринбург. у., Пермской губ.»; «в Салаирском руднике, Томской губернии»; «в Нижне-Тагильском заводе, Верхотурского у., Пермской губ.»⁵⁷

Итак, реформы, осуществленные в правление Александра II, через полстолетия – в начале XX в. – вполне могли претендовать на роль «места памяти», события, объединяющего самые разные слои российского общества и разные пласты исторической культуры. В исторических трудах и в публицистике, в художественных произведениях и памятниках, различными риторическими средствами и с помощью разных объяснительных моделей проводилась мысль о ключевом значении реформ для судеб российского общества, о том, что они стали точкой отсчета для «нового периода» российской истории, более того – «концом истории и началом современности». Но при этом диапазон трактовок реформ, особенно отмены крепостного права, был настолько широк, что

⁵⁵ От редакции // Великая реформа. В 6 т. Т. I. С. XII–XV.

⁵⁶ Там же. С. IV.

⁵⁷ Великая реформа. В 6 т. Т.V. 1911. С.1, 181, 183, 185, 189, 193, 201, 209.

это вело к формированию «конфликта памяти». Историки и публицисты признавали историческое значение реформы 1861 года как победы над несомненным злом крепостного права; но одни останавливались на этом, а другие шли дальше и искали в условиях и методах осуществления этой реформы источник острых социальных проблем современного им общества. В популярной, массовой культуре вокруг реформы создавался романтический ореол, формировались монархическая и либеральная легенды о «царе-освободителе» и его «святом деле», – а параллельно с этим анализ последствий реформы, выявившихся за 50 лет со дня ее осуществления, вскрывал глубокие социальные, идейные, ценностные разногласия в российском обществе.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антонцева В.А.* Аграрная программа К.Ф. Головина в контексте консервативной мысли России рубежа XIX–XX вв. Автореф. дисс. ... к.и.н. Тверь, 2005. 20 с.
- Арсеньев К.К.* Император Александр II // Великая реформа. В 6 т. Т. V. 1911. С. 1–13. Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное изд. В 6 т. / Историческая комиссия учеб. отд. О.Р.Т.З / Ред. А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичета. М.: Изд-е Т-ва И.Д. Сытина, 1911.
- Великая реформа.* Сб. статей / А.И. Яковлев, В.И. Семевский, В.Я. Уланов, В.Е. Чешихин-Ветринский. М.: Изд-е Т-ва «Образование», 1911. 192 с.
- Всеподданнейший доклад министра внутренних дел графа М.Т. Лорис-Меликова от 28 января 1881 г. // Былое. 1918. Кн. 4–5. Апрель – май. С. 162–166.
- Головин К.* Великая реформа 19-го февраля. СПб.: Типо-лит. Т-ва «Свет», 1911. 66 с.
- Готье Ю.В.* Крестьяне в XVII столетии // Великая реформа. В 6 т. Т. I. С. 14–36.
- Джанишев Г.А.* Эпоха великих реформ. Т.1. М.: «Территория будущего», 2008. 480 с.
- Дживелегов А.К.* Николай Алексеевич Милютин // Великая реформа. В 6 т. Т. V. С. 68–86.
- Дучинский Н.П.* Великая крестьянская реформа при Царе-Освободителе. СПб.: Изд-е Всероссийского национального клуба, 1911. 104 с.
- Иванюков И.И.* Падение крепостного права в России. СПб.: Изд-е Тов-ва «Общественная польза», 1903. 396 с.
- Игнатович И.И.* Крестьянские волнения // Великая реформа. В 6 т. Т. III. С. 41–65.
- Кавелин К.Д.* Наш умственный строй / Сост. В.К. Кантор. «Вопросы философии». Институт философии АН СССР. М.: «Правда», 1989. 654 с.
- Киселев В.* Памятник Александру II [Интервью с А.Н. Завальным, 2011] // Сайт «Самарская губерния: история и культура». URL: <http://gubernya63.ru/dostoprimechatelnosti/monuments/aleksandr2.html>.
- Ключевский В.О.* Русская история. Полн. курс лекций. Кн. 3. М.: «Мысль», 1993. 558 с.
- Кони А.Ф.* Великая княгиня Елена Павловна // Великая реформа. В 6 т. Т. V. С. 14–33.
- Корнилов А.А.* Крестьянская реформа. СПб.: Типо-лит. Ф. Вайсберга, 1905. 274 с.
- Корнилов А.А.* Крестьянское самоуправление по Положению 19 февраля // Великая реформа. В 6 т. 1911. Т. VI.
- Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. в 15 т. Т. 3. Л.: «Наука», 1982. 512 с.
- Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 736 с.
- Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 7. Документы крестьянской реформы / Отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1989. 431 с.
- Святославский А.С.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: «Древлехранилище», 2013. 592 с.

- Семевский В.И. Правительство, общество и народ в истории крестьянского вопроса // Великая реформа. Сб. статей. 1911. С. 27-92.
- Сокол К.Г. Монументальные памятники Российской империи: Каталог. М.: Вагриус-плюс, 2006. 432 с.
- Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VII: История России с древнейших времен. Т. 13-14. М.: «Мысль», 1991. 701 с.
- Уланов В.Я. Ход и исход крестьянской реформы // Великая реформа. Сб. статей. 1911.
- Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II. М.: ОГИ, 2004. 796 с.
- Фирсов Н.И. Крестьянские волнения до XIX в. // Великая реформа. В 6 т. Т. II. С. 25-69.
- Чешихин-Ветринский В.Е. Отражения крепостного права в общественной мысли и литературе // Великая реформа. Сб. статей. 1911.
- Чичерин Б.Н. О народном представительстве [1866]. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1899. XXI, 3, 810 с.
- Шумахер Ал. Великая Крестьянская Реформа при Царе-Освободителе. СПб.: Тип. Ю. Мансфельд, 1911. 34 с.
- Яковлев А.И. Очерк истории крепостного права до половины XVIII века // Великая реформа. Сб. статей. 1911.
- Paperno I. The Liberation of Serfs as a Cultural Symbol // The Russian Review. Vol. 50. October 1991. P.417-436.

REFERENCES

- Paperno I. The Liberation of Serfs as a Cultural Symbol // The Russian Review. Vol. 50. October 1991. P. 417-436.
- Antontseva V.A. Agramnaya programma K.F. Golovina v kontekste konservativnoi mysli Rossii rubezha XIX–XX vv. Avtoref. diss. ... k.i.n. Tver', 2005. 20 s.
- Arsen'ev K.K. Imperator Aleksandr II // Velikaya reforma. V 6 t. T. V. 1911. S. 1-13.
- Cheshikhin-Vetrinskii V.E. Otrazheniya krepostnogo prava v obshchestvennoi mysli i literature // Velikaya reforma. Sb. statei. 1911.
- Chicherin B.N. O narodnom predstavitel'stve [1866]. M.: Tip. I.D. Sytina, 1899. XXI, 810 c.
- Firsov N.I. Krest'yanskie volneniya do XIX v. // Velikaya reforma. V 6 t. T. II. S. 25-69.
- Dzhanshiev G.A. Epokha velikikh reform. T.1. M.: «Territoriya budushchego», 2008. 480 s.
- Dzhivelevov A.K. Nikolai Alekseevich Milyutin // Velikaya reforma. V 6 t. T. V. S. 68-86.
- Duchinskii N.P. Velikaya krest'yanskaya reforma pri Tsare-Osvoboditele. SPb.: Izd-e Vse-rossiiskogo natsional'nogo kluba, 1911. 104 s.
- Golovin K. Velikaya reforma 19-go fevralya. SPb.: Tipo-lit. T-va «Svet», 1911. 66 s.
- Got'e Yu.V. Krest'yane v XVII stoletii // Velikaya reforma. V 6 t. T. I. S. 14-36.
- Ivanyukov I.I. Padenie krepostnogo prava v Rossii. SPb.: Izd-e Tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1903. 396 s.
- Ignatovich I.I. Krest'yanskie volneniya // Velikaya reforma. V 6 t. T. III. S. 41-65.
- Kavelin K.D. Nash umstvennyi stroi / Sost. V.K. Kantor. «Voprosy filosofii». Institut filosofii AN SSSR. M.: «Pravda», 1989. 654 s.
- Kiselev V. Pamyatnik Aleksandru II [Interv'yu s A.N. Zaval'nym, 2011] // Sait «Samarskaya guberniya: istoriya i kul'tura». URL: <http://gubernya63.ru/dostoprimechatelnosti/monuments/aleksandr2.html>.
- Klyuchevskii V.O. Russkaya istoriya. Poln. kurs lektsii. Kn. 3. M.: «Mysl'», 1993. 558 s.
- Koni A.F. Velikaya knyaginya Elena Pavlovna // Velikaya reforma. V 6 t. T. V. S. 14-33.
- Kornilov A.A. Krest'yanskaya reforma. SPb.: Tipo-lit. F. Vaisberga, 1905. 274 s.
- Kornilov A.A. Krest'yanskoe samoupravlenie po Polozheniyu 19 fevralya // Velikaya reforma. V 6 t. 1911. T. VI.
- Nekrasov N.A. Poln. sobr. soch. v 15 t. T. 3. L.: «Nauka», 1982. 512 s.
- Platonov S.F. Lektsii po russkoi istorii. M.: Vysshaya shkola, 1993. 736 s.

- Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. T. 7. Dokumenty krest'yanskoi re-formy / Otv. red. O.I. Chistyakov. M.: Yuridicheskaya literatura, 1989. 431 s.
- Svyatoslavskii A.S. Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov. M.: «Drevlekhranilishche», 2013. 592 s.
- Semevskii V.I. Pravitel'stvo, obshchestvo i narod v istorii krest'yanskogo voprosa // Velikaya reforma. Sb. statei. 1911. S. 27-92.
- Shumakher Al. Velikaya Krest'yanskaya Reforma pri Tsare-Osvoboditele. SPb.: Tip. Yu. Mansfel'd, 1911. 34 s.
- Sokol K.G. Monumental'nye pamyatniki Rossiiskoi imperii: Katalog. M.: Vagri-us-plyus, 2006. 432 s.
- Solov'ev S.M. Sochineniya. V 18 kn. Kn. VII: Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. T. 13-14. M.: «Mysl'», 1991. 701 s.
- Ulanov V.Ya. Khod i iskhod krest'yanskoi reformy // Velikaya reforma. Sb. statei. 1911.
- Uortman R. Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoi monarkhii. V 2 t. T. 2: Ot Aleksandra II do otrecheniya Nikolaya II. M.: OGI, 2004. 796 s.
- Velikaya reforma: Russkoe obshchestvo i krest'yanskii vopros v proshlom i nastoyashchem. Yubileinoe izd. V 6 t. / Istoricheskaya komissiya ucheb. otd. O.R.T.Z / Red. A.K. Dzhivelegova, S.P. Mel'gunova, V.I. Picheta. M.: Izd-e T-va I.D. Sytina, 1911.
- Velikaya reforma. Sb. statei / A.I. Yakovlev, V.I. Semevskii, V.Ya. Ulanov, V.E. Cheshikhin-Vetrinskii. M.: Izd-e T-va «Obrazovanie», 1911. 192 s.
- Vsepoddanneishii doklad ministra vnutrennikh del grafa M.T. Loris-Melikova ot 28 yanvarya 1881 g. // Byloe. 1918. Kn. 4-5. Aprel' – mai. S. 162-166.
- Yakovlev A.I. Ocherk istorii krepостnogo prava do poloviny XVIII veka // Velikaya reforma. Sb. statei. 1911.

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории Самарского национального исследовательского университета, oleontieva@yandex.ru

The Reform Turning Great: The Abolition of Serfdom as a “Place of Memory” in Historical Culture of Imperial Russia

The article touches upon different representations of the peasant reform of 1861 in historical memory of Russian society. Chronologically it embraces the beginning of the 20th century, and among the sources are monuments, scholarly works on Russian history, popular editions written for the celebration of the 50th anniversary of the reform (including the famous six-volume “The Great Reform” published by Ivan Sytin). The author compares conceptual positions, discursive strategies, and visuals of the editions, and reveals “memory conflicts” over the abolition of serfdom as well as the outlines of possible consensus in post-reform Russian society on the issue.

Keywords: historical memory, peasant reform of 1861.

Olga Leontieva, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of Russian History, Samara National Research University; oleontieva@yandex.ru